

ДМИТРИЙ ЕРМАКОВ

НА БЕРЕГУ ЛЕТЫ

РАССКАЗ

Один день Николая Рубцова

Леониду Вересову

...Из комнаты потихоньку прошёл в ванную, поскрёб бритвой щёки и подбородок, умылся. Мокрой пластмассовой расчёской прошёлся по волосам. “Скоро уже и не нужна будет расчёска-то...”

Слышно, как из второй комнаты кто-то прошёл в кухню. Да понятно, кто — жена этого “партийного работника”...

“Он первый начал-то вчера: “Вы снова пьяны... У нас дочь...” Да, я выпил... Имею право... Никому не мешал. Нужна мне ваша дочь... Ну, так и ответил этому борову, да и спать ушёл... Вроде бы всё, ничего больше не было...”

Громко щёлкнул задвижкой и вышел из ванной, мимо кухни прошёл, стараясь не очень торопиться, к себе — в комнатку-пенал.

Ничего вслед не сказали...

Попил холодного чая с куском батона... И курить не стал.

“Правда, может, людям неприятно, что дымом пахнет. Некурящие”.

Стрелка на брюках не вполне идеальна, да ведь и не на праздник или приём к начальству, пиджачок — в порядке. Рубашка... Ну, более-менее. Дырку на носке в ботинке не видно. Прошёлся щёткой по обуви. В настенное

ЕРМАКОВ Дмитрий Анатольевич родился в 1969 году в Вологде. После школы служил в армии, занимался спортом. Рассказы, повести публиковались в журналах “Наш современник”, “Алтай”, “Подъём”, “Москва”, “Воин России” и других. Лауреат конкурса им. В. Шукшина “Светлые души”. Член Союза писателей России. Живёт в Вологде.

маленькое зеркало глянулся, насколько мог, увидел себя на фоне розовых (противный же цвет!) обоев, раскладушки, закинутой одеялом... Ещё у него есть стул. И, между прочим, проигрыватель (купил с гонорара), и пластинки, и гармошка есть, а гитару у Клавдия Захарова оставил, всё равно здесь не поиграть...

Ну что? Что делать-то?.. “Пойду на ветер, на откос... пошевелю остатками волос”. Сам себе усмехнулся. По карману пиджака хлопнул, какая-то мелочь отозвалась...

Решил сегодня наконец-то съездить в Прилуки.

...Как сказка, вспоминались дни жизни в Прилуках. Да ведь детство — сказка и есть. Старая и неповторимая. Вся семья была ещё вместе. И жили в каком-то домике вблизи монастыря, стены и башни которого напоминали картинку из книжки “Сказка о царе Салтане”. И мягкий зелёный луг под стенами, река... Вот эта самая река. Можно просто идти-идти по берегу — и придёшь туда... В детство? Нет, в детство уж не придёшь. “Так что едем на автобусе. Какой у нас туда ходит-то?..”

Вспомнил, что ходит туда третий автобус. Самое простое — на катере через реку, а там и остановка рядом с “поплачком” — ресторанчиком, в котором хорошо бывает посидеть, когда есть деньжата (там вчера и поднабрался). Но когда переплываешь реку вечером, уже ожидающая встречи с друзьями, разговоры под красное вино — это одно. А сейчас... Не хочется сейчас на катере. Значит, или в центр идти — к спортзалу “Труд”, или же на улицу Чернышевского — к кинотеатру...

Кроме памяти детства, звал в Прилуки поэт Батюшков, похороненный в стенах Спасо-Прилуцкого монастыря. Загадочный поэт, с которым он уже пересекался не раз. В библиотеке института читал его биографию, узнал, что Константин Николаевич бывал и жил в усадьбе Олениных, в Приютине под Ленинградом, вернее, конечно, под Петербургом... Но ведь и он, Николай Рубцов, там жил! Наверняка в том самом доме, где бывал Батюшков. Дом большой, усадебный. Там жил брат Алик с семьёй. Там и для Николая место нашлось, может, в той самой комнате, в которой отдыхал Константин Николаевич...

“Может, мы с ним под одними деревьями стихи писали! Там вон какой старый парк...” — думал Николай Рубцов, шагая по берегу реки Вологды, густо заросшему внизу у воды ивовыми кустами. А наверху — тополя... Осень уже ощутима (ведь сегодня последний день лета) — тепло, солнечно, а уж листва с тополей опадает, шуршат по земле шевелимые ветром бурые листья... Ивы тоже начинают желтеть...

Впереди церковь, обнесённая забором, какой-то склад там...

Он любит постоять здесь, посмотреть на тот, более низкий берег. Штабеля брёвен, плоты на воде, речной вокзал и рядом — “поплавок”, деревянные двухэтажные дома, и дальше город со старыми и новыми домами, автобусами, людьми — всё, как на ладони.

Достал из бокового кармана пиджака пачку “Севера”, коробок. Прикурил со второй спички — ветер порывами налетает.

“Живу вблизи пустого храма...” Опять закрутилась строчка. И тут пришлось её продолжить: “...на крутизне береговой... // и городская панорама // открыта вся передо мной...”

— Здравствуйте! — послышалось за спиной. — Вы поэт Рубцов?

Обернулся, сдержал раздражение в себе:

— Да. Здравствуйте.

— Петров, Василий, — протягивая руку, говорил невысокий светловолосый крепныш лет двадцати пяти (ещё и голубоглазый, и с чубом на глаза).

Пожали руки друг другу.

— Не помешал? — спросил Петров.

— Да нет...

— Прочитал я вашу “Звезду полей”, ну, и другое тоже в газетах видел...

— Ну...

— Ну... Вы как будто из прошлого века, — улыбаясь, сказал Василий Петров.

Рубцов с прищуром и усмешкой смотрел на него. Откинул окурок. И тут же достал пачку снова, протянул Петрову.

— Я не курю.

— Ты, наверное, и зарядку делаешь? — спросил Рубцов, достал папиросу, чиркнул спичку и закурил.

— Делаю и зарядку, — поняв, видно, усмешку, уже серьёзно ответил Петров и дальше без улыбки говорил. — Настроение в ваших стихах, в основном, унылое. Индивидуализм... Язык — как из другого века...

— Про другой век ты уже говорил.

— Да... Я вот работаю на “Северном коммунаре”. Скучать некогда. И стихи соответствующие...

— А я думал — ты под Есенина...

— Есенина я преодолел. Вот послушайте, что теперь пишу, — Петров расставил ноги пошире, напрягся: — И план мы даём, // и сверх плана даём! // Но каким трудом! // Чуть — и вспыхнем от накала!..

— Ты смотри не вспыхни... Василий тебя звать-то?..

— Да... Вот так пишу, в общем, потому что за мной коллектив...

— А передо мной... Церковь вот... Река... Небо... Ты знаешь, что это за церковь?

— Нет.

— А я узнал — Андрея Первозванного... Он, между прочим, рыбаком был, Андрей-то... И его первого Христос позвал, и он пошёл...

Василий Петров смотрел на Рубцова растерянно. Опять выдавил из себя:

— Я и говорю — из другого века...

— Из вечности, юноша... Я вот тебе тоже прочитаю:

*Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость... на каком-то... берегу,
И есть гармония в сём говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!..*

— Ну, и так далее, юноша.

— Это вы написали?

— Это поэт Батюшков написал. И я хочу сегодня побыть с ним. До свидания. — Отвернулся и пошёл тропкой мимо храма...

Василий Петров смотрел ему вслед, кажется, хотел что-то ещё сказать вдогонку... Но передумал, тоже развернулся и энергично пошагал в сторону завода “Северный коммунар”...

Рубцов вслед за тропкой сбежал под берег. В прогале между кустами, у самой воды, стоял с удочкой в руках мальчишка — в кепке, в свитерке, коротковатых штанах, внимательно смотрел на поплавок, рядом на камне стояла тарка, в ней, наверное, уже был какой-то улов — кошачья радость. Не стал отвлекать мальчишку, прошёл мимо. Только запомнил его или вспомнил себя такого же, на берегу другой реки... Тропка снова поднялась на берег, нырнула под пролёт моста и выпрыгнула на широкую набережную, мощённую булыжником, — асфальт сюда ещё не добрался.

И не было в нём, Николае Рубцове, уже никакого раздражения от ненужного разговора, а была уже почему-то радость от встречи, которая ещё не случилась, но будет, будет...

У другого берега лодочная станция: длинные мостки, к которым прицеплены лодки “казанки” и ещё какие-то, катера даже... Мужик на правом плече несёт мотор, а в левой — канистра... Рядом — мальчишка... А выше на берегу — шатёр цирка.

Цирк... Два раза он всего и бывал-то в цирке. Первый, когда их траулер разгружался в Мурманске... Трое суток стояли там. С Вовкой Девятым ходили на представление. Вовка потом, когда возвращались по ночному городу в порт, всё гимнасток нахваливал и такое говорил про них, что у Коли (он сам чувствовал) в темноте уши горели, но он лишь похохатывал

в ответ и стеснялся говорить о том, что ему понравились клоун и дрессированный медведь... Потом ещё раз был в цирке уже после службы, в Ленинграде. Какую-то Олю или Галю водил. С Валей Горшковым пригласили двух подружек с завода...

Он удивлялся этому свойству памяти (“Только у меня или у всех так?” — думал он) — уноситься мгновенно в такую даль, а и всего-то увидел на противоположном берегу у моста шатёр цирка. “Надо будет Гету с Ленкой сводить обязательно! Вроде собирались приехать...”

Проносились по реке с моторным гулом лодки, оставляя за собой треугольный волнистый след. Впереди, за мостами, на том берегу, возносил в небо купола Софийский собор, а рядом, ещё выше — золотое сердце Вологды, купол соборной колокольни...

Прошёл мимо двухэтажных деревянных домов, мимо церкви, в которой сейчас валеночная фабрика, мимо пешеходного моста, мимо старых кирпичных домишек и ещё одной церкви, обнесённой лесами реставраторов, вышел к большому Октябрьскому мосту. На другой стороне улицы Чернышевского — старинное каменное здание в три этажа — военный госпиталь. Не стал переходить улицу, повернул и вскоре был на остановке автобуса, что напротив кинотеатра “Родина”. На афише — “Бриллиантовая рука”. Говорят, что смешной фильм...

Подъехал автобус третьего маршрута, встал, накренившись набок, со скрипом раскрылись двери.

Он вошёл в почти пустой автобус и замешкался с оплатой. Женщина-кондуктор взглянула так, будто сказала: “Ну!..” Пожилая, с тяжёлой кожаной сумкой на шее... “Почему она, вот такая уже немолодая, работает кондуктором? Почему с утра уже уставшая?..” — невольно возникли вопросы. Вспомнилась сразу и та архангельская кондукторша, что орала на него, требуя “платить или слазить”... А он не знал, как добраться до “толкучки”, ему сказали до конечной ехать, он сел и поехал...

*Назвала хулиганом,
Назвала меня фруктом...
Ах, как это погано,
Ах, кондуктор, кондуктор...*

Хорошо — заплатила тогда за него какая-то женщина, похожая на мать...

— Есть у меня, есть... — достал из кармана пиджака пятак, подал.

“Что ж у меня, на лбу, что ли, написано: “Денег нет”?..” Прошёл в почти пустой салон, сел у окна...

Да, тогда, в Архангельске, без копейки был, и сейчас не густо в кармане. Но есть... Гонорар-то неплохой был за “Звезду полей”... Да что “неплохой” — большие деньги... Но вот как-то уже и... рассосались...

Проезжали мимо тюрьмы: забор с колючей проволокой поверху, потом ещё кирпичная стена, а за ней уж и здание с зарешёнными окнами... “И там люди живут... Везде люди... Как там в частушке-то?..”

*Из тюремного окошка
Вижу город Вологду.
Принеси, сударка, хлеба,
Умираю с голоду.*

Почему в Николе пели такую частушку? Значит, бывал кто-то в этой тюрьме...”

Впрочем, за окном давно уже была не тюрьма — двухэтажные оштукатуренные дома, какие-то сараи, совсем уже избы... Река за домами и кустами проблёскивает. На берег выехали — за рекой большие деревья парка Мира, впереди, по ходу движения, — железнодорожный суставчатый мост, а за ним — башни и стены монастыря. Прилуки...

Автобус встал перед пламбаумом... Долго грохотал товарный поезд с северной стороны. Потом, после минуты тишины, с другой стороны — от Вологды в сторону Архангельска пролетел пассажирский поезд... “Прекрасно небо голубое, // прекрасен поезд голубой...” Да, большой кусок жизни в поездах прошёл. Но теперь, кажется, всё, всё — осел в Вологде всерьёз и надолго. А небо, действительно, голубое... Но даже и в небе, чистом и голубом, есть что-то осеннее, неотвратимое.

Автобус перевавил железнодорожные пути, проехал под монастырской стеной и тяжело, будто устал, остановился на конечной. Скригнули двери. Вышла женщина, вышел старик... Вышел и Рубцов. С последней ступеньки он обернулся и сказал: “Спасибо”.

Кондукторша, будто очнувшись от сна или каких-то своих мыслей, вскинулась:

— Да пожалуйста... — и вдруг улыбнулась.

— Счастливыи билет-то, — пояснил Рубцов, тоже улыбнулся и не выкинул бумажку, а сунул в карман брюк.

Сразу закурил, что-то вспоминал и не мог вспомнить. Рядом с ним курил шофёр — водитель автобуса, седоголовый, плотный мужчина.

— Здравствуйте, — обратился к нему Рубцов. — Вы не знаете, автобусы давно сюда ходят? В сороковом году ходили?

Шофёр кивнул, задумался...

— В сороковом?.. Да. Самый первый маршрут в городе и был от вокзала — сюда, через весь город. В тридцатых где-то появился... Даже точно скажу — в тридцать восьмом. Тридцать лет назад... Вот какие мы старые! — покачал головой, улыбаясь. — Я ездил... Такие были фанерные сарайчики на колёсах.

— Ну, значит, и я ездил! — сказал Рубцов.

— Ну, счастливо, тогда, — сказал шофёр и полез в кабину автобуса.

— И вам счастливо!

Скригнули снова двери, человека два или три сели в автобус, и он, качнувшись, чихнув мотором, отъехал от остановки.

Николай осмотрелся — вон вдоль дороги ряд изб, и старый дом с каменным низом и деревянным вторым этажом, — наверное, бывший купеческий... “В каком же доме мы-то жили? Не в двухэтажном, точно. В избе какой-то...” Получалось, что почти в любом доме на этой улице могли жить, и на соседней улице тоже... “Нет, ближе к реке, но не на самом берегу... Монастырь было видно... А с другой стороны церковь была... Точно! Не в монастыре, а рядом — церковь каменная”. Он осмотрелся и сразу же увидел купол и шпиль без креста, по улице правее монастыря. Туда и пошёл. От старых, накрепко закрытых сейчас монастырских ворот дорога как раз к церкви и выводит. И домишки вдоль дороги всё такие же — избы деревенские, а вот опять высокий дом, красивый — весь в резьбе... Нет, они в простеньком доме жили... У калитки одного из домов увидел старика.

— Здравствуйте...

— Здорово... — старик со впалыми, в седой щетине щеками, в кепке-шестиклинке, туго натянутой на голову, посмотрел с любопытством на него. — Чего-то не помню...

— А я давно здесь и не был... Почти тридцать лет.

— Тутешний родом-то?

— Нет, мы приезжие, недолго тут жили, не помню только, где... — Рубцов достал папиросную пачку, встряхнул и досадливо поморщился — кончились папиросы.

— Так на-ка, парень, я тебя угощу, — старик достал тоже “Север”, сам взял папиросу и протянул пачку Николаю. А тот, взяв папиросу, чиркнул спичкой и держал огонёк в ладонях, пока старик прикуривал, потом и сам прикурил, огарок спички сунул под днище коробка...

— Вот не помню, в каком доме жили, — повторил Рубцов, — а где-то здесь...

— Не знаю уж, парень...

— А как церковь называется? — зачем-то спросил Рубцов.

— Никольский храм. Святого Николая Чудотворца на Валухе. Ручеёк там есть — раньше речка была — Валуха. Там рядом и старая дорога на Архангельск шла, и мост на Вологду там был, сваи ещё остались от моста...

— Вот там дорога на Архангельск была? — переспросил Николай.

— Да. А в ту сторону — на Кириллов, через Кубенское, через Новленское...

— Новленское? Я там бывал, — вспомнил Рубцов недавнюю поездку к бабушке Серёги Чухина в какую-то деревеньку близ большого села Новленского...

— Да. Там, в Новленском-то, говорят, старообрядцы жили...

Николай понял, что старику хочется поговорить, и его память тоже далеко заносит:

— А в монастыре что? — перебил.

— Военные... А ведь тюрьма была тут, — понизив голос, стал говорить старик. — До войны всё тут пересылка была. В тридцатом-то году, слышь, что тут творилось — кулаченных гнали через нас на север. Ой, сколько же их тут было, всё больше украинцы... Умирали... Слышь, парень, нас тут местных поряжали возить их... Ну, трупы-то... Я возил... В Чашникове — это недалеко, вверх по реке, в лесочке, говорят, зарывали, я-то возил только... Зимой, на санях... А там уж другие... Там сейчас всё поля — совхоз “Красная Звезда”... Ох, много их тут... И за что страдали люди...

Николай сразу вспомнил об украинском колхозе неподалёку от Николы в Тотемском районе — высланные украинцы в лесу выстроили бараки, вырубали лес, распахали пустоши. И в голодные военные годы уже в богатый украинский колхоз ходили местные бабы выменивать одежду на хлеб. И с детства помнил те уважительные слова: “Умеют работать украинцы”. В пятидесятые украинцы вернулись на родину. Видимо, здесь, в монастыре была одна из остановок на их крестном пути... Колхоз-то в лесу строили уже те, кто выжил...

— Тюрьма, значит, была?

— Да, пересылка.

Вспомнился опять странный эпизод с убежавшим человеком, которого задержал отец. Он уже записал тот случай в рассказике “Дикий лук”...

— Так у тебя как фамилия-то? — спохватился старик.

— Рубцов.

— Нет, не помню таких...

— Да мы недолго и жили тут...

— Не помню, — будто бы виновато ответил старик. — Ты возьми ещё курева-то, — протянул пачку.

— Нет, отец, спасибо, я куплю. Где магазин-то у вас?

— Так в доме у остановки, ты мимо проходил...

— А-а, ну, спасибо. До свидания, дедушка.

— До свидания, — кивнул старик и добавил: — Внучек...

Николай дошёл сначала до церкви — полуразрушенной, обросшей кустами, крапивой... Вышел на берег и здесь увидел вымощенную камнем старую дорогу от реки на север... Ту самую — старую Архангельскую... Сколько же старых дорог на Руси! В Николу он тоже по старой дороге ходит от парома у села Красного. И Серёга Чухин говорил, когда ехали в автобусе в Новленское, что есть старая Кирилловская дорога вдоль озера...

Старые дороги, вечные дороги, вдоль них-то и стоят до сих пор деревушки и церкви — памятники былой веры и мученичества, — по ним уходили мужики на войну... “А вот по этой, может, сам Ломоносов в Москву шёл... А по какой же ещё-то!” — решил вдруг для себя Рубцов и даже с уважением посмотрел на бульжники мостовой.

По берегу вернулся к монастырю... Где-то вот здесь, на этом лужке между монастырской стеной и рекой, и отдыхали тогда. Они с Аликом искали дикий лук, отец купался, мать с Борей на травке сидели...

По тропке под могучими древними стенами шёл, заглянул в бойницу и увидел, что толщина стены метра два... Покачал головой.

А посреди реки качалась лодка, мужик в ней сидел, поднимался и опускался “паук”, и каждый раз несколько рыбин бултыхались в сетке. Ну, это не рыболовецкий трал — точно уж... А на том берегу, в лугу, у кустов дымит костерок...

Он обошёл вокруг монастыря и подошёл ко вторым воротам, выходящим на дорогу из города. Машина выехала — военный грузовик. И ворота закрылись. В воротах калитка сделана...

“Не пустят ведь. Военная часть...” — подумал Николай.

За калиткой была будка, в которой сидела, опершись на стол, бабуся в очках и, наверное, что-то вязала — сразу опустила руки под стол...

— Здравствуйте, можно мне пройти?

— Не положено, — строго ответила бабулька.

— Я писатель, — достал корочки писательского билета.

Строгая бабушка в корочки не посмотрела, а крикнула куда-то в сторону:

— Товарищ лейтенант, тут вот лезет какой-то...

К калитке подошёл лейтенант в портупее, фуражке, сияющих сапогах, с кобурой на боку — серьёзный... Мальчишка почти.

— Что вы хотите?

— Здравствуйте, товарищ лейтенант. Я писатель, я в газете работаю... — снова показал удостоверение. — Здесь, в монастыре, могила поэта Батюшкова, мне нужно посмотреть...

— А какая газета?

— “Вологодский комсомолец”...

— А фамилия ваша? — заинтересовался лейтенант.

И Рубцов ещё раз достал из кармана и раскрыл удостоверение:

— Рубцов. Николай Рубцов...

— Вы — Николай Рубцов?

— Да...

— Здравствуйте... Я читал. У меня жена здесь в библиотеке работает, недавно ваша книжка поступила...

— Эта? — спросил Николай и достал из внутреннего кармана “Звезду полей”.

— Да. Знаете, мне очень понравилось, а жена вообще... Знаете, я проведу... Пойдёмте.

— А не попадёт тебе, лейтенант? — тихо спросил Рубцов.

— Да тут никаких секретов нет... — махнул рукой лейтенант и улыбнулся.

— Но охрана у вас серьёзная, — оглянулся Рубцов на бабульку, которая уже, не обращая на них внимания, вязала, кажется, носок.

Лейтенант опять улыбнулся.

Они вошли во двор монастыря, он тоже был вымощен камнем. Посреди — огромный, обшарпанный, но величественный собор, от него переход в другое большое квадратное здание...

— Мне жена рассказывала, вот это — трапезная палата, в ней поляки (они монастырь захватили) сожгли монахов, пятьдесят человек... Знаете... А могилы вот там... Там и Батюшков есть, точно...

Из церковного подвала солдаты вытаскивали и забрасывали в кузов какие-то мешки...

Они прошли на площадку за храмом, где в беспорядке стояли надгробные памятники — мраморные, гранитные тумбы с отбитыми крестами, с неразличимыми почти надписями...

— Конечно, не на могилах стоят, так уж поставили, чтобы не валялись, — пояснил лейтенант. Тихо добавил: — Знаете, скоро мы отсюда уедем. Музей, говорят, будет, так всё на места поставят...

— Не знаю, — Рубцова стал раздражать это постоянное “знаете”... — А где Батюшков-то?

— Вон... Знаете... — лейтенант споткнулся на слове, поправил портупею, идеально сидящую на нём.

— Ну, пойдём, лейтенант, пойдём, — мягче сказал Рубцов и подошёл к ограде, в которой стояло надгробие белого мрамора. — А его могила?..

— Точно не знаю, но ограда и памятник были здесь, на этом месте уже давно...

Сверху на памятнике был небольшой металлический шар и крест. На бронзовом медальоне посреди тумбы знакомый по рисункам Пушкина и автопортретам профиль, под ним: “Константинъ Николаевичъ Батюшковъ родился в Вологде...”

— Тоже офицер, три войны прошёл, — кивнув на памятник сказал Рубцов. И спросил: — Знаешь что-нибудь из его стихов?

— Специально брал в библиотеке сборник... Такое у него есть длинное, где всех высмеивал, чего-то — на берегу...

— “Видения на берегу Леты”, — вспомнил Николай.

— Да-да... — закивал лейтенант. — Ну, вот эти у него ещё стихи, самые известные “О, память сердца...”

— “...ты сильней // рассудка памяти печальной”, — закончил Рубцов. — А ты знаешь, Пушкин, разбирая его стихи, эти две строчки отчеркнул и подписал: “Плохо!” — а дальше про всё стихотворение, которое никто и не помнит, написал, что, мол, великолепно или как-то так... Странно, да?..

Лейтенант пожал плечами:

— Ну, знаете, мог и Пушкин ошибиться...

— Нет, — резко оборвал Рубцов. — Пушкин не мог ошибиться. Просто мы ещё не всё понимаем... А знаешь... — остановился, усмехнулся тому, что перенял невольно словцо у лейтенанта. — Хорошо было тут лежать, когда монахи жили, в колокола звонили, пели в храме... — Он обернулся к храму... — Представляешь?.. Колокола, небо, молитва... Мы все живём вблизи пустого храма... Потому и не знаем, где могилы наших поэтов... и матерей... Вблизи пустого храма... Ну, спасибо, пошли.

Вернулись к воротам.

— Как тебя зовут-то, лейтенант?

— Игорь...

— Игорь — это, между прочим, Георгий. Хорошее имя для офицера.

— Почему?

— Ну — Георгий Победоносец...

— А... — лейтенант, видимо, не совсем понял Рубцова. Он о своём думал: — Николай...

— Михайлович, но можно и без этого, — отозвался Рубцов.

— Николай Михайлович, а вы бы не могли в библиотеку зайти? Это здесь, в Прилуках, недалеко, жена бы так обрадовалась...

— Спасибо, Игорь... Знаешь... Не сегодня. Я ещё приду сюда, вернусь. А пока вот что... — он достал из внутреннего кармана книжку. Раскрыл. — Ручка есть у вас?

— Есть... Ольга Павловна, — обратился лейтенант к вахтёрше, — у вас ручка есть?

— А как же, — бабулька отложила вязание, выдвинула ящик стола, подала лейтенанту чернильную ручку, тот подал Рубцову.

— Как жену зовут? — спросил Рубцов.

— Вера.

“Игорю (Георгию) и Вере — на долгую счастливую жизнь дарю эту книжку в Прилуцком монастыре, где лежит Батюшков... А мы ещё проживём! Счастья вам, ребята! Николай Рубцов. — Задумался и не поставил дату, а написал: — На берегу Леты”.

Вернул лейтенанту ручку, подал книжку. Пожал руку.

— Спасибо, товарищ лейтенант. Счастливо и вам, Ольга Павловна, — и добавил, когда понял, что ответа не будет: — Хорошей службы...

— Спасибо, — откликнулась вдруг и Ольга Павловна.

Вышел за стены монастыря. Пошёл к остановке, к магазину — надо было купить папирос. Да пора уже было и пообедать...

В магазине купил пачку папирос, четвертинку чёрного, два сырца “Дружба”. Подумал и взял бутылку портвейна.

Снова на берег пошёл, под монастырскую стену, примял траву, сел... И не стал открывать бутылку. И есть не стал. Курил... Думал... Или вспоминал что-то...

Мужик в лодке опускал и поднимал “паук” у самого берега, метрах в трёх всего. Николай будто решил что-то для себя, резко поднялся с травы, откинул пустой мундштук выкуренной папиросы к кромке воды, спустился (берег тут был мокрый, вязкий, и он почувствовал, что в ботинок попала вода).

— Здравствуйте, — громко сказал. Он понимал, что это глупо — здороваться с берега, но и как по-другому заговорить — не знал. — Здравствуйте, — ещё раз, громче, сказал, видя, что его не слышат.

Мужик, вытащил и бросил на дно лодки трёх лещей, обернулся, кивнул:

— Здравствуйте.

— Вы не могли бы меня перевезти? Очень надо...

— Конечно, перевезу, — ответил мужчина, тут же взялся за вёсла и в два гребка подогнал дюралевую лодку с задранным мотором к берегу. Лодка, приминая водяную траву, мягко уткнулась носом в берег. — Залезай.

Николай, ухватившись рукой на носовой крюк с цепью, высоко задрал левую ногу, при этом почувствовал, как затекает вода и в правый ботинок... И завис на мгновение в этом неудобном дурацком положении. Да ещё бутылка, сунутая в карман пиджака, оттягивала полу. Рыбак тут же поднялся, ухватил за левую руку и помог влезть в лодку.

— Садись...

— Вот это и называется — одной ногой на берегу, другой на корабле. — И протянул на этот раз правую руку. — Николай. Рубцов.

— Толя, — просто ответил мужик. (Рубцов понял, что его фамилия Толя ничего не говорит). — Черпанул? — кивнул Толя на ботинки. — У нас там костерок, высушим...

Толя в чёрно-белой, изрядно захватанной кепке, в брезентовой курточке, и клетчатой застиранной рубахе под ней, в брезентовых же, затёртых на бёдрах штанах, в литых резиновых сапогах. Лицо обветренное, чисто выбритое, с резкими морщинами от крыльев носа к губам.

Рыбины на дне лодки лежали, беззвучно раскрывая рты, или уже уснувшие, и вдруг выгибались, подпрыгивали, стучали хвостами. Одну Толя придавил сапогом ко дну лодки...

— А я работал когда-то на траулере, в море рыбу ловил... Как из траля на палубу вывалят — кипит прямо...

— Ну, у нас не море, — спокойно ответил рыбак, короткими сильными гребками направляя лодку через реку. “Паук”, как большой сетчатый мешок, болтается, поднятый лебёдкой над кормой лодки. — Нам и этого хватит, — спокойно говорит Толя. — Эту домой возьму, а ушица уже сварена. Сейчас и похлебаем...

Лодка снова ткнулась в берег, Толя первым вышагнул, за цепь подтянул лодку повыше, и Николай на этот раз выпрыгнул сразу на сухое.

Толя пошёл выше на берег, на травянистый открытый дуг.

— А рыба? — окликнул его Николай.

— Пусть там остаётся, ничего с ней не будет, — махнул рукой Толя.

Николай поспешил за ним по примятой высокой траве... Выскочила вдруг узкомордая чёрно-белая собака с загнутым в баранку хвостом, с привизгом ткнулась в ноги рыбаку и тут же заурчала на Николая.

— Фу, Пыж, нельзя, свои, — резко сказал Толя, и пёс тут же развернулся и скрылся в траве. — Иди, не бойся, — сказал рыбак Николаю.

Тянул вкусный дымком... У костерка сидели двое парней лет по четырнадцать и жарили, наколол на ветки, куски хлеба...

— Привет, ребята! — первым Рубцов сказал. — О, хлебушек на костере — это вещь!

— Здравьете, — буркнули парни в ответ.

— Ну чего, вы похлебали? — спросил Толя.

— Да, — аппетитно жуя горячий пахучий хлеб, ответил лопоухий, похожий на Толю мальчишка.

— Тёзка твой, — сказал Толя Николаю, кивнув на мальчишку.

Парнишка дожевал хлеб, схватил лежавший тут же самодельный лук с тетивой из капроновой нити. Вставил стрелу, свистнул. Пыж тут же вылетел из травы, будто ждал, когда позовут. Стрела резко взлетела, и, дав дугу,

упала куда-то за луг, в кусты. Пыж, не дожидаясь команды, бросился в том направлении, только видно было, как шевелится, обозначая его след, трава. И вскоре пёс вернулся, неся стрелу, положил к ногам хозяина.

— Дай, Колька, мне! — второй мальчишка, с хитроватыми шустрыми глазами, выхватил лук. Колька хотел уж отбирать у него оружие, но тут Рубцов голос подал:

— А можно мне попробовать?

Мальчишка с видимым недовольством отдал ему лук, а Толя подал стрелу:

— На, попробуй...

— Только сильно не натягивайте, — Колька сказал.

Рубцов выстрелил, и зачарованно смотрел вслед стреле... А пёс уже нёс стрелу обратно...

— Теперь я! — второй парень схватил стрелу. Рубцов отдал ему лук:

— Ну, у вас собака натренирована, как в цирке... — покачал головой.

— Рабочая лайка! — с гордостью Толя ответил.

— А-а...

— Вы, давайте-ка, вон там постреляйте, дайте нам похлебать, — сказал Толя парням, и они убежали, позвав за собой и собаку, и было слышно, как они смеялись и кричали что-то, и стрела то и дело взлетала к небу...

— Твой? — Николай спросил.

— Колька мой, а Лёнька — дружок его... Ещё у меня есть Володька. Не поехал с нами, в техникум завтра первый день, готовится, а эти в восьмой побегут... Садись вон на коряжку да давай ботинки-то, посушим.

Николай сел на корягу, приспособленную под скамью, стянул ботинки. Толя тем временем срезал на ближайшем кусте ивы пару виц, воткнул их у костерка, на них и нацепил ботинки Рубцова.

Николаю чего-то так хорошо стало, что даже дырки на пятке носка не стеснялся он, вытянул ноги ближе огню. А чего, Толи стесняться, что ли? Простой мужик...

— Прямо уж из котелка похлебаем, — сказал Толя, ставя на траву закоптелый котелок. Ложкой сдвинул крышку, и запах наваристой ухи будто опьянил.

А Николай только сейчас вспомнил:

— Анатолий, давай-ка кружки-то, — достал бутылку и сразу же лихо пробку сорвал. Достал ещё хлеб и сырки из кармана.

Толя приподнялся, поглядел в сторону, где бегали мальчишки.

— Ну, давай. — Подал Рубцову деревянную ложку, выставил и две железные зелёные кружки.

Николай разлил.

— За знакомство. — Выпили, заели ухой.

Рубцов сидел у костерка, перед ним и вокруг него был разнотравный луг, впереди — река, и на том уже берегу — стены и башни монастыря, церковные купола за стенами, небо, облака...

Ещё выпили.

— Ты где живёшь? — спросил Николай.

— В Ковырине, на Гончарной.

— А-а... Это Октябрьский посёлок?..

— Да.

— У меня там... родственники...

— Не вологодский, что ли, сам-то? — спросил Толя.

— Вологодский... Долго не здесь жил...

— А где?

— А где я только и не жил, Толя. “Как центростремительная сила, // жизнь меня по всей земле носила...”

— Это ты стихи, что ли, сейчас?..

— Да, это мои... Давай!

Выпили.

— А я вот тоже сочинил, — сказал Толя: — “Ходить по родной земле босиком — это большое счастье...” А мне сказали, что это Яшин...

— Да, это Яшин, Александр Яковлевич... А ты, видно, где-то прочитал и забыл, потом, как свои, вспомнил. Так бывает.

— А ты чего, поэт, что ли?

— Да. Я поэт. Жаль, книжки нет с собой...

— Ты так прочитай... Давай-ка, — Толя разлил. Выпили. Рубцов на мгновение задумался, огляделся кругом и начал:

*Доволен я буквально всем,
На берегу сижу и ем ущицу,
Вкусную ущицу...
Стреляют угольки в огне,
А я валяюсь на спине,
Внимаю жалобному крику
Болотной птицы,
Надо мной
Между берёзой и сосной...*

— Нет берёз и сосен здесь нету... Нечего и врать... — махнул Рубцов рукой и коротко хохотнул.

— Это ты прямо сейчас сочинил, что ли?

— Да... Ерунда это, Толя, баловство... А ущица хороша. Ох, и хороша. Давай по последней. — Разлил остатки. Выпили. Закурил, протянул пачку и Анатолию.

— Бросил, давно уже.

— А я вот не смог, а теперь уж чего...

— Ну, никогда не поздно, тебе чего, сорок, поди-ка...

— Тридцать три будет... Возраст Христа... Ты веришь в Христа?

Толя пожал плечами.

— А надо верить, надо...

Рубцов курил, приятное несильное опьянение кружило голову, будто пыльки снова в лодке...

— Вот такие вы... поэты... А тут живёшь... — как-то грустно сказал Толя.

— Плохо, что ли, живёшь?

— Да нет, не плохо, жена, два сына... А чего-то... Вот как в песне-то: “Дай мне такое дело, // чтобы сердце пело!” А такого-то дела и нет...

— Ну, дел много... А вообще, понимаю тебя... Вот поэтому-то и надо верить. Пойду-ка я... Тут ведь церковь-то недалеко.

— Да, за парком Мира, вон по дороге иди, дак и придёшь.

— Вот и схожу. У меня ведь и отец там похоронен.

— А-а...

Рубцов натянул ботинки. Поднялся, отряхнул брюки.

— Ну, счастливо... Удачи и вам, ребята, — сказал ещё подбегавшим парням.

— До свидания!

Он вышел на тропу, по которой вскоре попал в парк Мира — тут была аллея тополей вдоль берега, вглубь парка уходили дорожки, обсаженные берёзами. Он свернул на такую дорожку и вышел на пустую поляну со сценой и скамейками перед ней, какие-то плакаты стояли по краям поляны... Чуть дальше, за кустами акаций — спортивная площадка: турник, пирамида из двух наклонных лестниц, подобие гимнастических брусьев... Послышались голоса, шаги, на площадку с другой стороны вбежала группа парней, человек восемь. Николай присел на скамейке перед сценой, закурил, смотрел на спортсменов. Они все в одинаковых спортивных штанах и майках с эмблемой общества “Динамо”. Один постарше, видимо, тренер, командует: “На пары... Подходы... Резче!.. Плотнее захват!.. Поменялись!” Парни по очереди обхватывали и подбрасывали друг друга, имитировали приёмы вольной борьбы... или классической. В этом Николай плохо разбирался. Хотя бороться, между прочим, когда-то любил и на том самодеятельном уровне боролся неплохо... Это ещё в Тотьме было, в лесном техникуме, вскоре после школы. Любили

там они поборются — кто кого повалит и на лопатки положит. Никто не учил, конечно, сами кто что знает и придумает... Обхватывались за пояс и давай: или вверх вырвать, или в пояснице переломить, или, прихватив руку и голову, разворачиваться спиной и, падая, увлечь за собой противника. Боролись без подножек и захватов ног. И ведь он, Колька, не уступал и более крупным ребятам — жилистый был, вертлявый, не прихватишь его, а он резко вплотную подходил, обхватывал и сбивал на землю... Бывало, что и в драку борьба переходила... А потом ещё в Кировске в техникуме у них тоже на физкультуре “самооборона” была, там уже физрук и подножки показывал, и “через спину”. И у него, Кольки Рубцова, между прочим, пятёрка была за “самооборону”. А работа кочегаром на траулере и потом, уже в Кировском техникуме, разгрузка вагонов с картошкой и силёнку кой-какую дали — в учебке флотской подтягивался раз пятнадцать...

Вспоминал, покуривал, смотрел на здоровую молодость... По команде тренера парни стали кто подтягиваться на перекладине, кто отжиматься на брусьях. И убежали — как и не было их.

Рубцов поднялся, прошёл на спортивную площадку. Под турником встал, подпрыгнул, ухватился за перекладину, с усилием подтянулся два раза и спрыгнул... Усмехнулся сам себе криво. “Молодость уходит из-под ног... Всё, ушла уже... Свои сто гениальных стихов я уже написал... Ну, ещё сколько-то напишу... Прозу буду писать! Да!”

Оглянулся, представил себя — лысоватого, в пиджаке, в брюках с задравшимися штанинами, в ботинках грязных висящего на турнике. И засмеялся даже...

Хмель уже выветрился... И, что хорошо, — не хотелось поддать ещё, пока не хотелось, да и где тут...

— Мама, грибок! — услышал голос и вздрогнул, так похож был он на голос дочери. В стороне, за деревьями гуляли девочка и её мама...

“Гета хотела приехать, Ленку привезти... В цирк обязательно сходим!..”

Шёл сейчас по дорожке, обсаженной яблонями... Яблоки мелкие. И горькие.

А вот и кладбищенская ограда, вон и церковь.

Ворота ещё старые — с кирпичными столбами, с кованой калиткой, с крестом сверху... Прошёл. У церкви, у самого входа стоял нищий. Кажется, он и на похоронах отца тут стоял. Или другой это уже, но в такой же рванине, заросший, с гноящимися глазами и чёрной ладошкой, которую выставил перед собой. “Откуда берутся они, эти нищие? Нигде их больше в городе не видно... Где живут, ночуют, что едят?” В детстве он ещё видел нищих, но те были не такие, тех называли странниками — они куда-то шли через их Николу... Были ещё после войны инвалиды на вокзалах, безногие, на тележках... Куда-то потом все разом пропали. И не стало никаких нищих. Только вот тут, у церкви.

— Подай Христа ради, добрый человек.

— А я добрый? — сузив глаза, резко спросил Рубцов.

— Конечно, добрый, — ответил нищий и даже улыбнулся.

Усмехнулся, качнув головой, и Рубцов, монету из кармана в ладонь чёрную сунул.

— Храни тебя Господь.

Подумал и не пошёл сразу в церковь, решил зайти на обратном пути. По тропе попал в дальний конец кладбища, помнил, что у самой ограды хоронили. Да вот и могила в деревянной оградке, и скамейка, и столик... “Бывают, присматривают...” — подумал про Евгению, жену отца и её сыновей. Присел.

Вот тут бы и вышить, и поговорить бы с отцом... Узнать бы, в кого же это у него, да, похоже, и у братьев Алика и Бори судьба такая — бродяжка... Галя, сестра, рассказывала, что отец и мама из деревни уехали в Вологду, потом в Емецке жили, там-то он, Николай, и родился, потом ещё Няндомы была... А он помнит уже вот Придуки, потом тот страшный барак в Вологде... “Что носило тебя, отец, по земле? Судьба или своя воля?.. Не ответишь... Знаешь, отец, я не обижаюсь на тебя. Была обида, прошла.

А до того обидато была — знал, что жив, а говорил, что погиб. А что было говорить-то?.. Ну, хоть увиделись... Я тоже мотаюсь... Внучка у тебя, отец, растёт... Я, папа, поэтом стал, книжки у меня есть, всё хорошо... Всё хо-ро-шо”. И оборвал этот “разговор”. Встал и пошёл от могилы.

На церковной двери уже висел замок, и не было ни нищего, никого...

Пошёл по тихой, сжатой деревьями и двухэтажными деревянными домами улице, мимо обнесённого железным забором, со сбитыми крестами, перестроенного, и всё-таки храма... Автобаза в нём какая-то... А по правую руку — тоже церковь, и тоже какой-то склад там... “Живём вблизи пустого храма... Вот потому и живём так, и не держит ничто, ни дом, ни дети, ничто...”

Так думая, вышел на высокий берег, здесь, на пяточке асфальта — памятник 800-летия Вологды... Вот отсюда в 1147 году начинался город... Впереди, на Соборной горке (так зовут это место все вологжане) — стены вологодского кремля, Софийский собор и колокольня...

Прошёл и под стенами Софийского собора. На самом высоком месте Соборной горки, над береговым обрывом, между собором и ещё одной церковью (тоже пустой, зимой в ней лыжи напрокат выдают — сам видел!) — стеклянный куб — выставка достижений местного хозяйства...

Он встал на самом откосе, посмотрел вверх и вниз по реке: на каждом её изгибе — церкви...

— Гуляешь, Коля? — окликнули сзади.

Оглянулся: журналист одной из районных газет, низкорослый и пухлый весельчак Булыгин, широко улыбался и протягивал руку.

— Ты как тут? — спросил Рубцов.

— Да меня редактор вместо себя на областное совещание отправил, вот... Ну, и ладно, я чего: мне сказали — я поехал... — Он говорил безостановочно. — Да, тебе же гонорарий у нас положен... Мы ж три стиха твои дали... Да... Ты ж у нас прямо как классик идёшь...

— И где я могу получить свои деньги? — оборвал его Рубцов.

— На почте, Коля, на почте! Переводик будет, переводик... Но в счёт будущего можно и сегодня, — щёлкнул пальцем по горлу и кивнул в сторону скверика, где сидела на скамейке тёплая компания районных редакторов и журналистов. И все смотрели на них. И не подойти вроде нельзя — зазнался, подумают. А и подходить не хочется... Рубцов натянуто улыбнулся и помахал компании рукой.

— Коля, давай к нам, — крикнул кто-то.

— Пошли, Коля, — позвал и Булыгин.

— Нет, ребята, спасибо, не могу, — твёрдо сказал Рубцов, пожал пухлую руку Булыгина и пошагал по береговой тропке вдоль берега — ближе к дому... Вон уже за мостами и храм видно, у которого стоял утром... И пошёл туда, домой, перешёл по мосту на свой берег.

Целое путешествие сегодня совершил по обоим берегам реки Вологды...

И снова стоял на береговой крутизне, смотрел на реку, на город.

Уже вечерело...

Зашёл ещё в продовольственный магазин в соседнем доме. Взял хлеба, вина...

“Не ужиться мне с этими партийными... А как-то же надо жить...” — думал, подходя к дому. Своим ключом открыл дверь, и сразу в свою комнату, закрылся, сел за стол... Ещё раз вспомнил весь этот день — реку, город, Прилуки, Батюшкова, рыбака Толпо, отца...

Взял ручку, заправил чернилами из банки. Проверил на куске газеты, чтобы не пачкала... В записную книжку вписал без исправлений:

ВОЛОГОДСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Живу вблизи пустого храма,

На крутизне береговой,

И городская панорама

Открыта вся передо мной.

Пейзаж, меняющий обличье,

*Мне виден весь со стороны
Во всём таинственном величье
Своей глубокой старины.*

*Там, за рекою, свалка брёвен,
Подъёмный кран, гора песка,
И торопливо — час не ровен! —
Полощут женщины с мостка
Своё бельё — полны до края
Корзины этого добра,
А мимо, волны нагоняя,
Летят и воют катера.*

*Сады. Желтеющие зданья
Меж зеленеющих садов,
И тёмный, будто из преданья,
Квартал дряхлеющих дворов,
Архитектурный чей-то опус
Среди квартала... Дым густой...
И третий, кажется, автобус
Бежит по линии шестой.*

*Где строят мост, где роют яму,
Везде при этом крик ворон,
И обрывает панораму
Невозмутимый небосклон.
Кончаясь лишь на этом склоне,
Видны повсюду тополя,
И там, светясь, в тумане тонет
Глава безмолвного кремля...*

Написал, подул ещё, чтобы чернила высохли, закрыл книжку, отложил ручку. Открыл банку кильки в томате, бутылку вина, отрезал хлеба. Выпил, поел... И лёг спать.

И спал он на берегу реки вечности...